

Фаина К 120 – летнему юбилею
великой актрисы
Раневская

**Моя любовь –
в ваш
почтовый
ящик...**

Фаина Раневская

**Моя любовь – в ваш
почтовый ящик...**

«АСТ»

2016

УДК 792.2.071Раневская Ф.Г.
ББК 85.334.3(2)6-8

Раневская Ф. Г.

Моя любовь – в ваш почтовый ящик... / Ф. Г. Раневская —
«АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-099076-4

В 1992 году во всемирно известной английской энциклопедии «Кто есть кто» Фаина Георгиевна Раневская значилась в списке десяти самых выдающихся актрис XX века. Она прожила без малого девяносто лет. За 50 лет своей артистической карьеры Раневская сыграла всего-то в двадцати с небольшим фильмах. Однако публика ее обожала, каждая ее роль, пускай и эпизодическая, была яркой, удивительной и запоминающейся. Сама она говорила с грустью: «В актерской жизни нужно везение. Больше чем в любой другой, актер зависим, выбирать роли ему не дано. Я сыграла сотую долю того, что могла». Афоризмы, искрометные «жизненные фразы» Фаины Раневской пользуются колоссальной популярностью, и уже стали фольклором, им не приписывают авторства. Актриса хорошо известна и своими «крепкими словцами», сказанными всегда к месту и по делу. А чего стоят ее фирменные саркастические цитаты... «Животных, которых мало, занесли в Красную книгу, а которых много – в Книгу о вкусной и здоровой пище». «Жить надо так, чтобы тебя помнили и сволочи». «Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга». «Судьба – шлюха». «Оптимизм – это недостаток информации». И так далее и так далее... Читайте Раневскую и о Раневской.

УДК 792.2.071Раневская Ф.Г.
ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-099076-4

© Раневская Ф. Г., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Скорбный Арлекин	9
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Фаина Георгиевна Раневская
Моя любовь – в ваш почтовый ящик
К 120-летнему юбилею
великой актрисы

Фаина Георгиевна Раневская

1896-1984

Скорбный Арлекин

Удивительный факт: в 1992 году во всемирно известной английской энциклопедии «Кто есть кто» Фаина Георгиевна Раневская указывалась в списке десяти самых выдающихся актрис XX века! И это при том, что в кино она всегда выступала всего лишь «мастером эпизода», да и в театре вовсе не могла похвастаться обилием ролей. Писатель-юморист Эмиль Кроткий как-то даже ехидно заметил: *«Имя ее не сходило с афиш, где она неизменно фигурировала в числе „и др.“»*

И действительно большинство ролей вполне может уместиться в эти обидные рамки «и другие...» По-настоящему «знаковых» театральных ролей – всего две, в Театре имени Моссовета: миссис Сэвидж (спектакль «Странная миссис Сэвидж») и Люси Купер (постановка «Дальше – тишина»). И тем не менее такое признание таланта! Мало какие советские «примы» того времени получили вот такую «мировую» известность!

Да, интригует... Хочется во всем не спеша разобраться... Хотя писать о Раневской довольно неблагоприятное занятие. По поиску «Гугл» в Интернете выскакивает свыше пятидесяти призывных обложек книг с ее «непосредственным участием». Из них полтора десятка развернутых и не очень биографий, с рассказами о Великой актрисе и Мыслителе. Издана даже книга неких «стихов-медитаций на мысли Фаины Раневской». (Боже правый, видать, для «совсем продвинутых»). Едва ли есть смысл соревноваться со всем этим сонмом культурологов, историков, искусствоведов, да и просто профессиональных вспоминателей былого. Ведь о Раневской сказано уже просто... вагон и маленькая тележка!

Но я, как благодарный зритель и читатель, поклонник таланта Фаины Георгиевны, имею полное право провести собственные ассоциации и составить собственное мнение о ее творческом пути. Пусть субъективное, вольное (возможно, даже чересчур!), но уж как есть... Издатель, если посчитает их заслуживающими внимания, – вправе обнародовать. Ну, а читатель – соответственно прочитает (или, как минимум, просмотрит наискосок).

Найдет ли кто для себя что-то новое и полезное? Вопрос на засыпку... Во-первых, что считать полезным? Просто пищу для размышлений, строительный материал для создания собственных словесных конструкций учитываем? А как насчет вождельной новизны? Так ведь сказано, еще во время оно: *«Нет ничего нового под солнцем!»*

И правильно сказано! А читая воспоминания и размышления Раневской, как раз и начинаешь поневоле соглашаться со многими отнюдь не жизнеутверждающими изречениями библейского мудреца Экклезиаста. Возникает стойкое ощущение, что местами Фаина Георгиевна выступает просто как – ни дать ни взять! – его современная проекция...

«Воспоминания – это богатство старости» – напишет однажды Великая актриса. Так почему бы нам не попробовать поискать что-то интересное в этом богатстве? Аккуратно разворошить его просто со стороны, с позиции нейтрального наблюдателя?

* * *

Когда задаешь себе вопрос: а с кем можно сравнить Фаину Георгиевну (Деятеля культуры – с большой буквы, а не только театра и кино), то как-то и не сразу можешь ответить.

Из актерской братии многие довольно успешно и громко являли смежные таланты. К тому же большинство остры на язык. Кто-то писал эпиграммы, частушки для театральных капустников, ироничные сказки с элементами сатиры... или придумывал афоризмы с назидательной развязкой. Подавляющее большинство артистических деятелей оставили после себя пафосные мемуары с подробным изложением и обоснованием «высокого штиля» и «себя-самого» в Искусстве. Оптимистично настроенные поклонники разного рода талантов поговаривают меж собой, что некоторые из ушедших и ныне живущих «звезд» даже, вроде как, непосредственно участвовали в отдельных элементах процесса создания столь важной для потомков печатной мемуаристики.

Согласен, у нас много (было и есть... впрочем, все же больше «было»!) блистательных комедийных актеров, некоторые из них в быту являли собой разочаровавшихся в жизни философов-одиночек, с оригинальным взглядом на Мироздание и социальную миссию искусства...

Но все добившиеся и признанные, по ощущениям, как-то слишком упорно и цепко придерживались выбранного, «однажды нащупанного» жанра, в коем плотно и удобно укоренились. На стыках жанров и стилей, видимо, как-то неуютно существовать: не совсем понятно, что конкретно писать в наградных листах, регулярно отправляемых по инстанциям.

А вот Раневская как-то не особенно вписывается в сплоченные ряды «небожителей от Ея Величества Культуры». Но опять-таки по субъективным ощущениям. Комическая, буффонная актриса... и скорбный философ «а-ля Экклезиаст». *«Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: „Умерла от отвержения“»*, – заявляла Фаина Георгиевна... И, когда читаешь ее дневники, понимаешь, что просто не можешь в духе Станиславского отрезать: «Не верю!» Скорее, выдавишь: «Увы!»

В ее жизни явило себя не только «смешение жанров», но, прежде всего, гремучий сплав мировоззрений, парадоксальный синтез почти что взаимоисключающих мироощущений. Грустное комедиантство, озорной трагизм, хулиганствующее философствование, эпатажное мудрствование...

И если рассматривать это парадоксальное смешение, то на ум приходит разве что... Леонид Енгибаров, известный как «грустный клоун с осенью в сердце». Да, сейчас бы его назвали «мим», «эксцентрик» или как-то еще. Но ведь он манифестировал себя не привычным «артистом оригинального жанра» – не вполне определенного, а потому и представленного на неких нейтральных сценических подмостках. Нет, он выступал именно в цирке(!), причем в роли обычного коверного! И зритель не всегда готов увидеть пронзительные лирические интермедии – сама личина клоуна подразумевала накатанный односложно-плоский юмор: падения, кривляния, натужное выстраивание смешных рож... да исподтишка трусливые пинки униформистам.

Но взрывать устоявшийся жанр изнутри, превращать его в нечто совсем иное, чуть ли не в противоположное – это дорогого стоит! Вот, видимо, именно поэтому бесславные сонмы ушедших лицедеев манежа начисто забыты зрителями, а клоуна Енгибарова будут помнить еще очень долго!

А ведь ценителям поэзии хорошо известны и верлибры Енгибарова! Еще одна грань таланта, которая ждет своей заслуженной оценки: *«Наскучит уют, остынет любовь, и останется только Дорога, и где-то далеко впереди – надежда, что будет любовь, покой (...) но это только мираж, без которого не бывает Дороги!»*

Для привычного клоунско-шутовского колпака несколько неожиданно, не правда ли?

* * *

Если посмотреть на десяток золотых киноролей Раневской (то бишь тех, что крепко въелись в память массовому зрителю), то трудно не заметить в них неприкрытый, практически феерически-буффонадный сарказм! Фаина Георгиевна не переигрывает, не превращает своих лирических героинь в некие «небывальщины», а живописует их столь эмоционально яростно, что получается нещадный гротеск. И слово «лирическая» как-то само собой размывается из тщательно вылепленных образов. Зато просятся на язык другие определения: например, «фантазмагорическая» или «убийственно реалистическая» героиня. Из тех, чье амплуа звучит в просторечии как что-то наподобие «Оборжаться, умереть – не встать!», Фаина Раневская, пожалуй, самая загадочно-грустная клоунесса кинематографа. Вначале трудно сдержать улыбку... а затем долго не покидает ощущение щемящей горечи.

Большинство ее ролей – это выпавшие в некую иррациональную завихренность взбалмошные дамы, плутающие по обычной жизни в собственных системах координат, взятых если и не из туманных снов, то точно не от мира сего, а посему вызывающие у зрителей странный спектр эмоций: от доброй снисходительной улыбки до взрывов гомерического хохота. При этом неоднозначность подачи образа все равно оставляет некоторое не совсем ожидаемое послевкусие, что трогательно горчит в восприятии и вызывает долгое странно-тягучее недоумение...

Может быть, станет более понятно, почему в воспоминаниях о Раневской не раз встречаем указания на ее непримиримо-перманентный конфликт с режиссером Юрием Завадским. Тут ведь не простое расхождение характеров! Думаю, что имело место особое метафизическое рассогласование, глобальный мировоззренческий конфликт, практически нестыковка основополагающих внутренних идей о сути и назначении Искусства как такового. Раневская создана для надрывно-гротескных, брехтовских ролей. А Завадский со своим строгим кондовым «академизмом» просто не мог принять таких «забубонных завихрений»! Здесь слово «академизм» уместнее поставить в кавычки. Не строгий канон и классическая школа, а скорее, набор выверено-удобных масок... Что явно не для Раневской! Уж чего-чего, а пафосной дури, нагнетания выхолощенного орфизма, картинного заламывания рук под дежурно-бутафорскую горячую слезу та точно не допускала. Возможно, переболела этим в детстве?

Из дневников Раневской: *«Приходил в гости к старшей сестре гимназист – читал ей стихи, флиртовал... Чтение повергало меня в трепет. Гимназист вращал глазами, взвизгивал, рычал тигром, топал ногами, рвал на себе волосы, ломая руки. Стихи назывались „Белое покрывало“. Кончалось чтение словами: „...так могла солгать лишь мать“ (...). Гимназист зарыдал, я была в экстазе... Теперь, к концу моей жизни, я не выношу актеров-, игральщиков“».*

Фаина Раневская никогда не являлась «игральщиком». Но она также и не классическая актриса, не правильный деятель культуры в привычном понимании. Она, скорее, хулиганствующий субъект, беззлобно плюющий на все сложившиеся авторитеты и устоявшиеся унылые правила. Кроме тех, что ею приняты... и затем выстраданы на сценических подмостках и под светом киносфитов. Сыгранные ею персонажи – сама непосредственность, и в то же время – непредсказуемость. А к этому, до кучи олицетворение определенной чуждости этому миру, нарочитое (где-то даже капризное) неприятие навязанных строгих схем, бунт против них посредством наивной и незамутненной детской искристости.

Думаю, именно с этого фокуса исследовательского взгляда и возможно вплотную приблизиться к прочувствованию еще одного пласта особенного таланта Раневской – ее цве-

тастых афоризмов, что ныне известны широким массам потребителей культуры (пожалуй, гораздо больше, чем старые добрые фильмы с участием Великой Актрисы, а уж тем более театральные постановки).

Да, Раневская – признанный, непререкаемый мастер эпизода. И могла играючи из куцей рольки вытянуть столько всего, подать любой незамысловатый короткий эпизод с такой творческой экспрессией, что начисто затмевала напыщенных красавиц – главных героинь – вкупе с их правильными, прилизанными героями.

Но только фильмы эти уже давно стали триумфальным достоянием пыльных полок Госфильмофонда. Да от случая к случаю, сугубо под настроение – туманным объектом ностальгических вздохов бабушек, кучкующихся на свежеевыкрашенных лавочках у обшарпанных подъездов. Увы, время неумолимо: новое поколение лелеет и взращивает в сознании своих собственных кумиров.

А прославленные фильмы из давно минувших дней, с блистательной игрой актеров старой школы как-то не гласно претерпели высылку на периферию культурного процесса, куда-то за видимый горизонт актуальных информационных поводов. Да, можно скачать в Интернете, где-то – чем черт не шутит! – еще застряли в продаже нераспроданные легальные дисковые копии, выпущенные еще в прошлой или позапрошлой культурной пятилетке. Но сколько реальных показов, зрительских просмотров? Боюсь, что даже сама цифра уже мало кого волнует. И действительно, не блокбастер же!

Кто хотел – уже раз по пять пересмотрел, умилился, вспомнил молодость. Кому не довелось, но вдруг резко прихотелось – пусть ищет ближайший сеанс в кинотеатре «Иллюзион», как раз на раз в полгода можно твердо рассчитывать!

* * *

Зато вот афоризмы, искрометные жизненные фразы Раневской неизменно затребованы! Уверен, что едва ли найдется в России человек, кто бы их не слышал, кто бы не восхитился хоть раз их непривычной неординарностью да яркой красочной лаконичностью! (*«Животных, которых мало, занесли в Красную книгу, а которых много – в Книгу о вкусной и здоровой пище»* – это тоже она!) Хотя зачастую афоризмы Фаины Раневской приводятся без авторства, как некий «впитавший суровую мудрость народа» фольклор.

При этом Актриса хорошо известна и своими крепкими словцами – сказанными емко, к месту и по делу. Недавно в Интернете даже стал распространяться любопытный текст: *«Лучшие ругательства от Раневской – на все случаи жизни»* (видимо, чтобы благодарный обыватель знал, кому обязан многим цветастым языковым конструкциям).

Но справедливости ради стоит признать, что гораздо более широко известны именно саркастические цитаты «от Фаины Раневской», выполненные на уровне лингвистического фола. Кстати, нарочитая грубость и даже обценная лексика – это еще одна фирменная примочка актрисы Раневской. И так же, как в некоторых неприличных анекдотах просто невозможно заменить привычный трехэтажный на стыдливые эрзац-эвфемизмы (вся смысловая канва сразу же посыплется, анекдот выйдет пресным и плоским), так же точно и в афоризмах, а то и ругательствах Раневской. Скажем, ее известное упоминание жопы (в разных ракурсах!) – ну просто никак не заменить никакими пристойными ягодицами.

А если проанализировать знаменитую, ставшую уже чуть ли не классической максиму Раневской: *«Жизнь – это затяжной прыжок из п... в могилу!»*, то понимаешь, что подобное возможно выразить только так и никак иначе. Да, пусть бумага не стерпит – затретирует цензура и самоцензура... Да, пусть ликует и царствует Высокая и даже Высочайшая нравственность, гневно отвращающая от низкого и грубого!

Но – увы и ах! – именно такое, неприкрытое и непричесанное, явно «непечатное» изречение отправится залихватски гулять в народ. И упорно не будет поддаваться никакой облагораживающей редакции!

Причем сам народ, о котором заботливо пекутся гордые носители книжной нравственности, будет состоять в непоколебимой уверенности, что данная нестандартная философская аксиома – чистейшей воды фольклор, не имеющий конкретного автора, но выстраданный в натруженных недрах коллективного бессознательного «широких масс трудящихся».

А кто знает настоящего автора – тот просто восторгается смелостью и бесшабашностью созданных словом образов. И с этим ничего не сделаешь: Раневская уверенно выступает в качестве озорного Арлекина, беззлобно-насмешливого персонажа классической итальянской комедии. Что, может, и не совсем положительный, но явно и не отрицательный. Зато вызывает широкую симпатию (и как указывается в «Википедии»: *«должен вызывать у зрителя сочувствие к его смешным невзгодам и ребяческим горестям»*).

* * *

Особый разговор – о грустных, порой даже трагических афоризмах, точнее, своеобразных мыслях вслух Фаины Раневской. Прочитал некоторые из них своим знакомым. Никто так и не опознал автора. Гадали-рядили: «Поздний Шопенгауэр», «готическая школа», «саркастический постмодернизм», «что-то из французских мизантропов». Самый интересный ответ: *«Вроде как я это встречал в чьих-то предсудцидальных записках»*. Оба-на! Приехали! Эпатажная хулиганствующая клоунесса вдруг неожиданно-негаданно предстает пронзительно скорбной философией, отрицающей привычно оптимистичное отношение к жизни? Ну, а как еще можно проинтерпретировать такие, к примеру, строки:

«Несчастной я стала в шесть лет. Гувернантка повела меня в приезжий „зверинец“... на столе стояло корыто, в нем плавали два крошечных дельфина. Вошли пьяные, шумные оборванцы и стали тыкать в дельфиний глаз, из которого брызнула кровь. Сейчас мне 76 лет. Все 70 лет я этим мучаюсь!»

Кто-то, возможно, скажет: «Рисует... Играет в трагизм, при этом явно переигрывает!» Я бы с таким заявлением не согласился. Категорически. Возможно, тут действительно необходимо прочитать весь «грустный цикл» размышлений Фаины Георгиевны: о жизни, о судьбе, о человеческом предназначении... И тогда начинаешь понимать – нет, не переигрывает и не педалирует. Скорее, многое скрывает, недоговаривает... Щадит своего потенциального читателя, слушателя. Поэтому с помощью особого, оптимистичного сарказма и старается несколько скрасить, подсластить горький вселенский трагизм человеческого одиночества. И выдает глубоко выстраданную авторскую иллюстрацию к бессмертному «Экклезиасту». Выраженного с полуулыбкой, но горше. С испытанным до последней капли томлением духа в скрипучей карусели суеты сует.

Раневской хочется сочувствовать, только непонятно: грустный философ – это ее истинная натура, незыблемое природное качество или жизненное амплуа? Роль, с которой уже свылась и смирилась? Есть расхожее суждение, что у увлекающихся профессией актеров и не поймешь, где кончается игра, личина, а где начинается жизнь, личность. Мол, порой они и для себя самих, в отсутствии зрителей, заигрываются, внедряя театральные кульбиты в повседневную жизнь. Кто знает?...

Думаю, Актриса всю жизнь прожила между полюсов, мучительно пытаясь ответить сама себе на многие вопросы. *«Жалею, что порвала дневники – там было все, – писала о себе Раневская. – Почему я так поступила? Скромность или же сатанинская гордыня?»*

Такие метания встречаем затем не раз и не два. Она их особенно и не скрывала. И даже обыгрывала с присущим ей патетическим сарказмом.

Раневскую о чем-то попросили и добавили: *«Вы ведь добрый человек, не откажете!»* *«Во мне два человека, – ответила Фаина Георгиевна. – Добрый не может отказать, а второй – может. Сегодня как раз дежурит второй!»*

Отсюда и совершенно разные воспоминания о Раневской. Одни говорят о ней, как об очень культурной, начитанной особе, вдумчивом собеседнике... Другие отмахиваются, как от вульгарной тетки с хамскими замашками, что могла сквернословить и скатываться в откровенное хулиганство.

И самое интересное – оба мнения справедливы. Хотя даже в парадоксальной совокупности не отражали всей полноты личности Фаины Раневской.

* * *

Раневская выступала прямо-таки генератором анекдотов. Многие фразы, которые стойко воспринимаются или как анекдоты, или как расхожие народные остроты, в реальности принадлежат именно ее искрометному творчеству.

Ну, например, знаменитое... Коллега по сценическому цеху пафосно изрекает: *«Я так обожаю природу!»* На что Фаина Георгиевна нарочито детально осматривает ораторшу и выдает недоуменное: *«И это после того, что она с тобой сделала?»*

«Да, анекдот же!» – так и хочется вскрикнуть в сердцах. Согласен, после Раневской конечно же да. Повторено-переповторено, даже использовано в разного рода литературных конструкциях. Но первоисточник, изначальный автор многими уже, увы, позабыт.

Или классическое: *«Бог создал женщин красивыми, чтобы их могли любить мужчины, и глупыми, чтобы они могли любить мужчин»*. Первая реакция – ну, это расхожее утверждение... Чуть ли не к античным временам апеллируют. Сама мысль или что-то близкое к ней, выраженная через многоходовый логический трактат – возможно. А вот так – наглядно, изящно и лаконично – это уже фирменный стиль Раневской. И ведь не возразишь, разве что перефразируешь при случае, придав авторскому размышлению личину абстрактно-народной мудрости.

А вот так просто оригинальная классификация семейных союзов (по Раневской). Жестко, хлестко, (к тому же и не очень-то толерантно, а потому применимо исключительно для внутрироссийского пользования). Но мудро и практически исчерпывающе. Вполне заменит заунывную тетралогия интеллектуала-романиста.

«Союз глупого мужчины с глупой женщиной порождает мать-героиню. Союз глупой женщины и умного мужчины порождает мать-одиночку. Союз умной женщины и глупого мужчины порождает обычную семью. Союз умного мужчины и умной женщины порождает легкий флирт».

Философам остается только мечтать о подобной наглядности. Что Фаина Георгиевна вполне себе сносно могла определить парой емких предложений, то для правильного гения и прославленного «философского родоначальника» Иммануила Канта потребовало бы пару обстоятельно-содержательных глав.

* * *

«Семья человеку заменяет все. Поэтому, прежде чем завести семью, необходимо как следует подумать, что для вас важнее: все или семья?» – боюсь, что этот риторический вопрос Раневской не потеряет своей надрывной актуальности во все времена.

И на эту фразу Раневской следует обратить особое внимание. Потому как не для красно словца сие сказано, а выстрадано, кровью сердца на гладь сознания вымыто.

Почему же все-таки такое жуткое, порой нестерпимое одиночество? Популярность, харизма, узнаваемость на улицах, восторги публики, назойливые поклонники... и горькое чувство покинутости, скорбной оставленности миром?

И от черновых набросков, не заготавливаемых впрок для широкого читателя: *«Ничто так не дает понять и ощутить своего одиночества, как когда некому рассказать сон...»* – выстраивается осознанный вектор к созданию Учения о смысле и назначении жизни, исключительно для личного потребления.

«Если бы я вела дневник, то каждый день записывала одну фразу: „Какая смертная тоска“ – и все!» – отмечает Фаина Раневская... и принимает – уже не в первый раз! – решение уничтожить очередные наброски к мемуарам. (*«Я скорее дам себя распять, чем напишу книгу „Сама о себе“*. Не раз начинала вести дневник, но всегда уничтожала написанное...)).

А одиночество... Оно так и остается. Как и талант. Развивается, расширяется, захватывает все свободные закутки сознания... но не иссякает с годами.

И определяется Раневской как неизбежный спутник славы. Отсюда и недоуменное восклицание при созерцании очередного изобилия цветов, записок, писем и открыток от почитателей после очередного спектакля: *«Как много любви, а в аптеку сходить некому!»*

При этом к самой этой зрительской любви она, как минимум, относилась с явной настроженностью. *«Любовь зрителя несет в себе какую-то жестокость, – заявляет Раневская, попутно поясняя: – Однажды после спектакля, когда меня заставили играть „по требованию публики“ очень больную, я раз и навсегда возненавидела „свою славу“»*.

Со славой это понятно. А что с одиночеством? Страдала ли она от него? Возможно. Может, это и стало причиной ее тоски, о которой она не раз говорила. (*«Нет болезни мучительнее тоски!»*) Не жалуясь, а именно проговариваясь невзначай.

Но, думаю, относилась к одиночеству философски, со свойственной мудрой женщине терпимостью. И даже создавала некие обоснования его необходимости. Например, как вам такое: *«Ребенка с первого класса школы надо учить науке одиночества»*. Не думаю, что многие педагоги согласятся с данным тезисом Раневской. Юмора или сарказма тоже как-то не просматривается. Скорее, жизненная позиция, выработанная за долгие годы. Принять, согласиться – это единственное, что ей оставалось.

И все-таки... Одиночество в толпе, социальное – это еще можно понять. Таланту трудно найти себя в толпе бездарностей. Но вот семья...

Сейчас можно услышать: «Ну, мол, не красавица же!» Мол, как можно с такими внешними данными надеяться на удачу в супружестве? Крайне спорный тезис. Базируется на том факте, что все известные кинороли Раневской достались ей уже далеко не в юном возрасте. Согласен, мачеха Золушки особых эротических симпатий не вызывает... (Это вообще ее бич, к которому, впрочем, сама Актриса относилась сдержанно-философски: *«Старая харя не стала моей трагедией – в двадцать два года я уже гримировалась старухой... и привыкла, и полюбила старух моих в ролях»*.)

Но по воспоминаниям современников в молодые годы Раневская была хороша собой. Вот оценка одного из критиков: *«Очаровательная жгучая брюнетка, одета роскошно и ярко, тонкая фигурка...»* Да и творческое амплуа у Раневской той поры звучало соответ-

ствующе – «героиня-кокетт». Для не особо сведущих в нюансах театральных терминов: так называли соперницу главной героини, традиционно скромной красавицы и умницы, положительной во всех отношениях. Ее визави конечно же должна являть собой воплощенные хитрость и коварство... но и не меньшую красоту, привлекательность. А лучше превосходить «правильную» героиню в яркости подачи себя, скажем, в броской фееричности... А иначе, где интрига? Как заставить главного героя – красавца без страха и упрека – обратить на себя внимание?

Но настоящий герой Раневской, если и возникал, то как-то не оттуда... и явно как-то не туда. И приносил лишь горечь разочарования.

То первое в жизни свидание омрачила коварная, но более удачливая соперница (при полном попустительстве и даже форменном свинстве «героя»): *«Придя на свидание, я застала на указанном месте девочку, которая попросила меня удалиться, так как я усе- лась на скамью, где свидание у нее. Вскоре появился и герой, несколько не смутившийся при виде нас обеих. (...) Каждая из нас долго отстаивала свои права. Потом герой и соперница пошептались. После чего соперница подняла с земли несколько увесистых камней и стала в меня их кидать. Я заплакала и покинула поле боя...»*

Иногда очередной «герой» и сам оказывался еще тем наглым хряком! Не знаешь, пла- кать или смеяться после такого горестного рассказа Фаины Раневской: *«... мне девятна- дцать, поступила я в провинциальную труппу – сразу же и влюбилась. Уж такой красавец был! (...)... однажды вдруг подходит и говорит шикарным своим баритоном: „Деточка, вы ведь возле театра комнату снимаете? Так ждите сегодня вечером: буду к вам в семь часов“. Я (...) вина накупила, еды всякой, оделась, нарядилась – жду сию. В семь нету, в восемь нету, в девятом часу приходит... Пьяный и с бабой! „Деточка, – говорит, – погу- ляйте где-нибудь пару часиков, дорогая моя!“ С тех пор не то что влюбляться – смотреть на них не могу: гады и мерзавцы!»*

А то ведь и просто начинала брать за душу такая черная тоска и безнадега от грубо- сти и пошлости потенциальных ухажеров, что потом в голове возникали довольно стран- ные депрессивные ассоциации: *«Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом. Вы меня можете пощупать в метро. Это я там стою, полусклонясь, в купальной шапочке и медных трусиках. (...) Меня отполировало такое количество лап, что даже великая проститутка Нана могла бы мне позавидовать».*

А в конце концов наступило неизбежное. И ветры безжалостного времени просто начи- сто выдули из потенциального «героя» все его геройство. *«Сегодня встретила „первую любовь“. Шамкает вставными челюстями, а какая это была прелесть. Мы оба стеснялись нашей старости»*, – напишет Раневская, и даже читателю станет неловко (и даже больно) от живописуемой в горьких строках ситуации...

* * *

Когда выдается классическое повествование о славном жизненном пути заслуженного «имярек», принято начинать с формальной биографии. Ну, традиция такая, что поделаешь? Может, психоаналитикам такой подход и кажется необходимым?... Возможно, и биогра- фам-любителям из библиотечных коллекторов, такой удобный штамп тоже на руку.

Хотя трудно представить, что именно детские переживания и всякого рода комплексы так уж непререкаемо, железобетонно довлеют над всей будущей жизнью. Как вариант – могут определять отдельные моменты, добавлять некоторые оттенки в пеструю жизненную палитру, оттенять обертонами насыщенную симфонию судьбы.

Но густо закрашивать грядущее какой-либо одной доминантной краской? Едва ли... И все же, пусть и с некоторым опозданием, но последуем выверенному рецепту, рассмотрим сухую биографическую хронику.

Известная актриса театра и кино, автор популярных афоризмов и мемуаров Фаина Георгиевна Раневская родилась в провинциальном Таганроге в позапрошлом веке (1896 год). При рождении имела совсем другое «ФИО»: Фанни Гиршевна Фельдман. С началом актерской карьеры сменила «сразу все» на более привычное для слуха. Почему? Вопрос риторический.

Тут разве что к месту привести пример ее коллеги по комическому жанру – актера Семена Фарады. Тот в метрике изначально записывался как «Семен Львович Фердман». Ну, а дальше сухая цитата из вездесущей «Википедии»: *«В 1971 году в титрах фильма „Вперед, гвардейцы!“ где Семен сыграл роль пионервожатого, решено было поменять „неблагозвучную“, по мнению руководства картины, фамилию „Фердман“ на псевдоним „Фарада“. Позже он официально сменил свою настоящую фамилию в гражданском паспорте и в других личных документах на фамилию Фарада».*

Можно долго обсуждать, что же есть такое это «благозвучие – неблагозвучие», но факт остается фактом: многие деятели искусства обрели прописку в анналах истории исключительно под литературными или артистическими псевдонимами, заменившими реальные родовые фамилии.

Дальше снова википедийная цитата: *«На момент рождения Фаины ее отец, почетный член Ведомства учреждений Императрицы Марии, был владельцем фабрики сухих и масляных красок, нескольких домов, магазина строительных материалов и парохода „Святой Николай“».* Можно добавить: «купец Первой гильдии, крупный мануфактурщик, староста Таганрогской хоральной синагоги, основатель приюта для престарелых евреев...» и прочая, и прочая, и прочая...

Собственно, о детстве особо и нечего рассказать. Разве что отдельные воспоминания Раневской, как ранние судьбоносные всполохи, что в будущем будут влиять на ее жизненный путь: *«Актрисой себя почувствовала в пятилетнем возрасте. Умер маленький братик, я жалела его, день плакала. И все-таки отодвинула занавеску на зеркале – посмотреть, какая я в слезах».* Или еще такое: *«Играть, представлять кого-либо из людей, мне знакомых, я стала лет с пяти и часто бывала наказана за эти показы...»*

Деньги в семье есть, потому – хорошее домашнее воспитание: приходящие учителя обучали музыке, пению, иностранным языкам. Когда Фая исполнилось четырнадцать лет, она начала заниматься в частной театральной студии Говберга, играть в любительских спектаклях. Тогда ее родные воспринимали театральные увлечения дочери как безобидные, подростковые. Но увлечение переросло в страсть. Девочка всерьез захотела посвятить себя театру.

А ведь состоятельная семья, уважаемый отец... То, что дочь стала грезить о сценической карьере, явно не одобрялось. Как справедливо отмечают многие исследователи: во времена имперского величия дореволюционной России профессия «актриски» считалась лишь чуть-чуть поприличнее, чем куртизанки в борделе.

В возрасте девятнадцати лет Фая Фельдман уехала в Москву, практически порывая отношения с семьей. Мать будущей Великой Актрисы еще какое-то время, до эмиграции в Прагу из охваченной революционными беспорядками России, в тайне от мужа помогала дочери денежными переводами. Впрочем, недолго.

Бедствующая в постреволюционной Москве Раневская попробовала попросить помощи у одного из приятелей своего отца. Тот ответил весьма изысканно, чтобы не обижать юное творческое дарование: *«...дать дочери Фельдмана мало – я не могу. А много – у меня уже нет...»* Так что апеллировать к достатку семьи не получалось. Приходилось надеяться

только на себя. Благо, что Москва принесла не только финансовые стеснения, но и порадовала новыми знакомствами: с Мариной Цветаевой, Осипом Мандельштамом, Владимиром Маяковским, Василием Качаловым.

Забегая вперед хочется сказать, что чуть позднее состоялось и судьбоносное знакомство с Анной Ахматовой (трепетную дружбу с которой Раневская пронесла через всю жизнь): *«Любила, восхищаюсь Ахматовой. Стихи ее смолоду вошли в состав моей крови».*

Но вот только на театральном поприще как-то все не заладилось. В 1915 году юная Фаина выступала в подмосковной Малаховке, в местном «Дачном театре». Играла всего одну маленькую роль, да и то без слов, – артистки цирка Брике, в пьесе Леонида Андреева «Тот, кто получает пощечины». Успеха тогда ни она, ни труппа, ни сам спектакль особого не имели. Мечта о сцене упорно отказывалась воплощаться.

А ведь вокруг столица со всеми ее соблазнами. Может, уйти в завсегдатаи богемных сборищ, стать статистом-наблюдателем Серебряного века русской литературы? А потом найти в литературных салонах удобного мужа да и засесть в Москве-матушке навсегда? А там, глядишь, и ангажементом помогут молодой замужней даме, если не станет проявлять излишних комплексов?

Возможно, подавляющее большинство «подающих артистические надежды» молодых девушек-провинциалок так бы и сделало. Но только не Раневская!

Главное – играть! И, распрощавшись на длительное время со звездными знакомствами, Раневская отправляется на задворки бывшей Империи – играть, играть!

Дальше в течении пятнадцати лет – работа в самых разных местных драматических театрах: Керчь, Феодосия, Ростов-на-Дону, Баку, Архангельск, Смоленск, Сталинград... а еще, до кучи, Передвижной «Первый советский театр» (этот так вообще везде колесил).

Но мечта о Москве не забыта. В 1924 году Фаина Раневская даже ненадолго возвращается в объятия столичной богемы, некоторое время пытается играть в труппе Театра московского отдела народного образования. Но тогда что-то не срослось! Пришлось снова на время отступить в привычную провинцию. Чтобы уже через несколько лет, в 1931-м, прочно обосноваться на столичном театральном Олимпе. Впереди будут престижные сценические площадки: Камерный театр, Центральный театр Красной Армии, Театр драмы (ныне им. Маяковского), Театр им. А. С. Пушкина... и Театр им. Моссовета, в котором она проработала в общей сложности свыше четверти века.

* * *

То, что в жизни Раневской большое место занимали музыка и литература, можно даже особо не подчеркивать. Во-первых, в детстве – при домашнем-то воспитании! – она серьезно обучалась музыке, пению, литературе. Во-вторых, профессия актрисы вроде сама собой обязывает (точнее раньше, в недалеком совсем прошлом, обязывала!) быть искушенной в этих вопросах. Ну, и в-третьих, Раневская считала музыку и литературу светлыми лучиками в темном царстве «сознательных строителей коммунизма».

Интересны ранние воспоминания Раневской о встречах со Скрябиным: *«Лицо его было обычным, заурядным, пока он не стал играть. И тогда я услышала и увидела перед собой гения. Наверное, его концерт втянул, толкнул мою душу в музыку. И стала она страстью моей долгой жизни».*

Еще одна «страсть долгой жизни» – высокая литература: Лев Толстой, Анна Ахматова, Пушкин, Чехов (именно о них она будет «с придыханием» писать в своих дневниках).

Особая связь с Чеховым. Не только сам звучный псевдоним «Раневская» взят по фамилии одной из чеховских героинь. С Антоном Павловичем связаны и яркие детские воспоминания: *«Говорят, любовь приходит с молоком матери. У меня пришла со „слезами матери“.*

Мне четко видится мать, обычно тихая, сдержанная, – она громко плачет. Бегу к ней в комнату, она уронила голову на подушку: плачет в страшном горе. Я пугаюсь и тоже плачу. На коленях матери – газета: „...вчера скончался А. П. Чехов“». Подобное «явление любви» через слезы, возможно, многое объясняет в мироощущении Великой актрисы. Ведь Чехова можно воспринимать не просто как признанного мастера прозы, но и как создателя особого паттерна человеческого существования.

То ли подсознательно, то ли вполне осознанно Раневская примеряла на себя судьбу-нушки чеховских персонажей. И тут так и хочется привести детские воспоминания Раневской о смерти Чехова полностью, не делая купюр. Ведь со своим будущим одиночеством Раневская также познакомилась через него: *«Бегу искать книгу Чехова, мне попалась „Скучная история“. Прочитала, на этом закончилось мое детство. Я поняла все об одиночестве человека. Это отравило мое детство».*

По сути, «Скучная история» – это не только история главного героя, коего так старательно выписывает от первого лица Антон Павлович, но и жизненная драма самой Фаины Раневской. Горестное признание чеховского лирического героя: *«Это мое имя популярно. В России оно известно каждому грамотному человеку. Насколько блестяще и красиво мое имя, настолько тускл и безобразен я сам!»* – не раз пыталась перефразировать о себе и Раневская. Видимо, ей трудно было избавиться от навязчивых параллелей. Главный герой (профессор Николай Степанович) в этой повести Чехова – человек уважаемый, знаменитый, но каждый его прожитый день безлик, бесцельно повторяет предыдущие. Близких (не формально, а действительно, по духу) у него нет, смысл жизни потерян... и доживает он ее по инерции. У читателя складывается ощущение, что, несмотря на свою именитость и заслуги, чеховский персонаж являет собой бесполезного, скучного даже самому себе человека. Возможно, призрак Николая Степановича терзал Раневскую до конца дней. Потому как она частенько выдает о себе фразы, которыми, при желании, можно резюмировать чеховскую повесть: *«Я как старая пальма на вокзале – никому не нужна, а выбросить жалко».*

А вот еще: *«День кончился. Еще один напрасно прожитый день никому не нужной моей жизни»* – чем не наглядная иллюстрация к «Скучной истории»?

Трагизм существования маленького человека иногда называют одной из центральных тем в творчестве Антона Павловича Чехова. Мол, не может человек прыгнуть выше головы, и потому его удел – смириться с унылой долей. В дневниках Раневской часто встречаем отголоски чеховских драм: *«Ничего, кроме отчаяния от невозможности что-либо изменить в моей судьбе».*

Нисколько не сомневаюсь, что молодая Раневская очень органично смотрелась в чеховских постановках. Именно тогда, в 20-е годы, она играла во многих его пьесах («Вишневый сад», «Три сестры», «Чайка», «Дядя Ваня», «Иванов», «Свадьба», «Юбилей»). Дальше капризные режиссеры разлучили ее с Антоном Павловичем (разве что в Театре Красной Армии, в конце тридцатых годов, досталась роль Щукиной в «Беззащитном существе»). Но внутренняя связь – не побоюсь громкого словосочетания, безусловно трагическая – осталась до самого ухода Актрисы из этого «бессмысленного» мира.

А музыка и литература – одни из тех таинственных нитей, что крепко связывали ее (до поры) с земным существованием. О которых она отзывалась неизменно восторженно: *«Старость – это просто свинство. (...) Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить!»*

* * *

Иногда даже странно становится: откуда у Фаины Раневской столько злости и неудовлетворенности собой? Какие нужны основания, чтобы отписать в сердцах: *«Ахматова мне говорила: „Вы великая актриса“. Ну да, я великая артистка, и поэтому я ничего не играю, меня надо сдать в музей. Я не великая артистка, а великая жопа»*.

Да, думаю нелегко бывало сгенерировать комплимент Фаине Георгиевне, ведь она не хотела принимать заслуженной похвалы даже от самой Ахматовой! Что уж там простому смертному!

Думаю, что неправы будут те, кто увидят здесь обычную рисовку или мазохистские психологические самобичевания. Скорее, вечная неудовлетворенность: собой, миром, реализацией дарованного богом таланта.

Сомнения в собственном таланте? Не без того... Но по-настоящему понять их может помочь следующая фраза Раневской: *«Талант – это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой и своими недостатками, чего я никогда не встречала у посредственности»*.

Отсюда сухая, без эмоций, констатация на исходе лет: *«Я родилась недовыявленной и ухожу из жизни недопоказанной. Я недо... И в театре тоже. Кладбище несыгранных ролей»*.

* * *

И снова хочется вернуться к Чехову. Насколько интересно, насыщенно смотрелась Раневская в короткометражном фильме «Драма», снятом по рассказу Антона Павловича! Проницательный зритель увидит не просто смешную побасенку про глупую бабенку-графоманку, читающую свою занудную пьеску! Раневская, думаю, смотрела на диапазон роли шире. Она сыграла не только надоедливую авторшу бездарных опусов, а отчасти саму себя, а также в совокупности многих чеховских героев, наделенных возможностями, талантами, но не реализовавшихся, задуренных обывательской жизнью и беспристрастными обстоятельствами. Таких, про которых написала в дневниках, с рефлексией на саму себя: *«Я, в силу отпущенного мне дарования, пропищала как комар»*.

Талант, потенциал, харизма, сила, мощь, напор, ощущение собственной миссии – и пресловутое «кладбище» неполученных ролей! Тему нереализованности, недовостребованности (или даже совсем невостребованности) она еще не раз поднимет в мемуарах: *«Народ у нас самый даровитый, добрый и совестьливый. Но практически как-то складывается так, что постоянно, процентов на восемьдесят, нас окружают идиоты, мошенники и жуткие дамы без собачек. Беда!»*

«Дамы с собачками» и без оных – это опять прямая отсылка к чеховскому мироощущению...

Или, если угодно, вот более наглядная рефлексия на тему смысла земного существования: *«Про курицу, которую пришлось выбросить из-за того, что нерадивая домработница сварила ее со всеми внутренностями, Фаина Георгиевна грустно сказала: „Но ведь для чего-то она родилась!“»*.

Уверен, подобный эпизод, это не мелкая хохмочка, а, если угодно, дзенский коан (специальное парадоксальное утверждение, размышляя над смысловыми безднами которого адепт дзен-буддизма постигает некую мистическую сущность вещей).

Хотя, если уж по большому счету, то и «хохма» в древнем учении Каббалы переводится как «мудрость» и олицетворяет собой один из первичных столпов, держащих на себе всю Вселенную.

Горький сарказм дневниковых записей Раневской можно попытаться объяснить и еще одним чеховским символом. У Антона Павловича есть интересный отрывок – про то, что *«надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком... и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других»*.

Пожалуй, Раневская, с неизменным горьковатым подтекстом ее крылатых выражений и разухабистых шуточек, могла (при своей-то любви к Чехову!) вполне ощущать себя кем-то вроде такого человека с молоточком. Тем более многие современники отмечали, что главный талант Раневской – принимать и чувствовать страдания других.

То, что она писала про дельфина с окровавленными глазами, не дававшего спокойно спать семьдесят лет, я уже приводил выше. Но вот интересны и такие записи: *«Как жестоко наказал меня „создатель“ – дал мне чувство сострадания. Сейчас в газете прочитала, что после недавнего землетрясения в Италии, после гибели тысяч жизней, случилась новая трагедия: снежная буря. Позвонила Н. И., рассказала ей о трагедии в Южной Италии и моем отчаянии. Она в ответ стала говорить об успехах своей книги!»*

* * *

Отношения с музыкой, живописью, литературой понятны: восторженные, на высоком пиетете. А вот с коллегами (которые, по идее, должны являться «преданными служителями», жрецами всех этих изящных искусств) – крайне непростые. Возможно, одна из главных причин: Раневская – несгибаемая максималистка. Не выносит фальши, а что еще хуже (о, ужас!) – требует этого и от других. *«Ненавижу бездарную сволочь, не могу с ней ужиться, и вся моя долгая жизнь в театре – Голгофа»*, – не раз жалуется Раневская.

К тому же, какие могут быть отношения с теми, кому даны едкие, но меткие определения, моментально расходившиеся кругами в актерских байках: *«У этой актрисы жопа висит и болтается, как сумка у гусара»*, или *«У нее голос – будто в цинковое ведро ссыт»*.

Да даже если и поприличнее случалось наблюдение – *«У нее не лицо, а копыто»*, – выраженное вслух, оно все равно могло навсегда испортить любые отношения. Это когда о бездарностях. Но и с теми, с кем дружила, кого уважала за профессионализм – могла также быть нетактична. Не все готовы спокойно воспринять ее неожиданный юмор в невинных дружеских подначках.

Знаменитый драматург Виктор Розов похвастался: мол, жаль не присутствовали на премьере моей последней пьесы. И добавил картинно: *«Люди у касс устроили форменное побоище!»*

«И как? Удалось им получить деньги обратно?» – тут же отозвалась Раневская, немало не заботясь о чужом творческом самолюбии (а им в той или иной степени поражены все деятели искусства!), которое своей «невинной» шуткой она буквально втоптала в асфальт.

Зная, что Раневская не склонна к экивокам и будничной дипломатичности, коллеги побаивались общения с ней – никому не хотелось стать антигероем свежих театральных анекдотов. Зная, что за словом в карман Раневская не лезет и что палец в рот ей не клади, мало кто рисковал и пикировался с ней, соревнуясь в обмене колкостями. Типичная иллюстрация разговора при свидетелях: дежурный комплимент от «Великой старухи» (*«Вы по-прежнему молоды и прекрасно выглядите!»*), сказан со столь узнаваемой улыбкой-ухмы-

лочкой, что собеседнице просто нейдет выдать в ответ какую-нибудь колкость. Что та и делает, правда, ограничивая свою тираду стандартной, штампованной заготовкой: *«А я вот не могу ответить вам таким же комплиментом!»* На что тут же получает от Раневской припечатывающее: *«А вы бы, как и я, – соврали!»*

Думаю, многие (обстоятельно поразмышляв!) начинали откровенно избегать столь опасную собеседницу. Ну, а как еще, если той претит политеся, да к тому же она еще может в любой момент внезапно начать резать правду-матку?!

Думаю, здесь достаточно всего одной, но наглядной иллюстрации. Ответственный работник советской литературы, поэт и функционер, на бегу поздоровавшись в Доме актера, чисто формально поинтересовался свысока: как, мол, ваши дела, Фаина Георгиевна? Бедный... Привык ведь к дежурному «хорошо» или «ничего»! (Сейчас, порой, сразу спрашивают «А как ваше „ничего“?», подчеркивая, что другой ответ как-то и не особо ожидается).

Реакция Раневской – как всегда непредсказуемая! – соответствующая: проучить формалиста. Могла, по обыкновению просто послать в задницу. Но в этот раз устроила мини-спектакль. Вцепилась в «неравнодушного» и, не отпуская, стала картинно благодарить: *«Очень хорошо, что вы спросили. Хоть кому-то интересно, как я живу! Давайте отойдем в сторону, и я вам с удовольствием обо всем расскажу... Я вас задержу ненадолго: минут сорок, не больше!»* Визави что есть сил вырываться: мол, на заседание опаздываю, нет времени... А затем спасается бегством. *«Зачем же тогда спрашивать, как я живу?!»* – назидательно прокричала ему вслед Раневская своим фирменным баском.

Резонно... И главное, окружающие, невольные свидетели поистине театральной сцены, слышали! А ответственный литсотрудник, уверен, стал с этого дня обходить Раневскую стороной.

* * *

Сейчас, когда из жизни ушли уже практически все современники Фаины Раневской, можно встретить предположения-утверждения о «желчной, злой на весь свет старухе». Думаю, это далеко от истины. Если вчитаться в ее строки: *«Старухи, по моим наблюдениям, часто не обладают искусством быть старыми. А к старости надо добреть с утра до вечера!»* – то понимаешь, что подобные обвинения, как минимум, не до конца убедительны.

Хорошо, соглашусь, возможно, что бывала и злой... наплывами. Будучи оскорбленной – не лично, а именно в лучших чувствах и чаяниях – она... вполне могла быть именно злой!

Хотя и это объяснимо. Когда читаешь: *«В театр хожу, как в мусоропровод: фальшь, жестокость, лицемерие, ни одного честного слова, ни одного честного глаза! Карьеризм, подлость, алчные старухи!»* – то понимаешь, что дошедшие до нас остроты Раневской – это всего лишь малая капля негодования в том море гнева, какое она бы могла излить. А в основном она большей частью терпела. Знала, что попытаются изжить, что не дадут ролей (*«Когда мне не дают роли в театре, чувствую себя пианистом, которому отрубили руки...»*), что будут плести интриги, шушукаться за спиной, писать доносы и клеветы.

«Главное в том, чтоб себя сдерживать (...). С упоением била бы морды всем халтурщикам, а терплю. Терплю невежество, терплю вранье, терплю убогое существование полунищенки, терплю и буду терпеть до конца дней», – нещадно бичевала себя Актриса в сохранившихся записях. Сдерживалась, терпела, а саркастические замечания выдавала, только когда плотину прорывало. Но если это случалось – мало никому уже не казалось. Доставалось всем. В том числе и начальству...

* * *

Как тут опять не вспомнить Юрия Завадского, многолетнего руководителя, по должности выполнявшего и роль театрального наставника? Отдельная тема в жизни Фаины Раневской. Вечный оппонент – и не только в художественном плане, – которого Актриса не раз метко прикладывала в своих язвительных репликах. Увы, нынешнее молодое поколение знает Завадского исключительно как объект насмешек Раневской. Тиран, мол, заадминистрировавшийся!

Творчески несостоятельный, можно сказать импотент в художественном плане! Ну, а как можно проинтерпретировать ставший широко известным эпизод из будничных репетиций театра, в труппе которого играла Раневская?

Дословно: *«Однажды Юрий Завадский крикнул в запале Раневской: „Вы своей игрой сожрали весь мой режиссерский замысел!“ „То-то у меня ощущение, что я наелась дерьма!“ – парировала Великая старуха»*. Симпатии стороннего наблюдателя явно будут на стороне Раневской. Завадский предстает таким беспробудным бездарем, который просто завидует таланту.

Но тут не все так просто, как кажется на первый взгляд. В своих бойких шутках Фаина Георгиевна широко, даже размашисто, применяла гиперболу, сгущала краски... и от души окатывала своих визави из ушата остроумия. Не факт, что от злости, скорее, просто от особого (наперекор!) восприятия мира. Или из идейных соображений. Или из бескорыстной любви к меткому, острому слову... Даже нет смысла гадать. Хотя народная пословица «Ради красного словца – не пожалею и отца» родилась отнюдь не случайно!

Юрий Александрович Завадский. Известный актер и любимец женщин. По воспоминаниям современников (особенно современниц): был просто необычайно хорош собой. В знаменитой постановке Вахтангова «Принцесса Турандот» он неизменно играл красавчика Калафа. По утверждению многих коллег – сердцеед, окруженный толпами восторженных воздыхательниц. Знатоки театральных нравов Москвы того времени рассказывали, что у дверей его квартиры спозаранку разворачивались нешуточные баталии: дежурившие в подъезде поклонницы спорили, кто первым предложит «Юрочке» только что купленные свежие булочки к утреннему чаю...

Марина Цветаева посвятила Завадскому целый цикл стихов «Комедьянт». Да и в женах у него последовательно ходили первые красавицы Советского Союза: прославленная актриса Вера Марецкая, непревзойденная балерина Галина Уланова...

Как театральный режиссер стал известен в столице с 1924 года – в тот момент Раневская еще заканчивала свои выступления в небольшом «Передвижном Первом советском театре» и готовилась к перебазированию в Баку, в местный «Рабочий театр».

Да, не похож как-то яркий образ театрального баловня судьбы на скучного администратора, лишь по воле случая дорвавшегося порулить театром.

Авторитет Юрия Александровича непререкаем. Получил «заоблачное» звание Народного артиста СССР в 1948 году, будучи к этому времени уже аж трижды лауреатом Сталинской премии! В театре его практически боготворили. Но не Раневская. Ведь, когда Завадский стал «народным», она уже год как сама гордо носила звание «заслуженной». Да, ее «три Сталинских» еще впереди. Но, нужно сказать, ждать их оставалось не так уж и долго. Все три она получит в течение последующих трех лет. Но зато за плечами – целых семнадцать фильмов. Для того времени просто невероятное количество! Все самые узнаваемые роли уже сыграны. Именно Раневскую узнают на улице, а открытки с ее изображением продают в киосках... А Завадского – увы! Он ведь в кинематографе не снимается. А как театрального

актера... Ну да, москвичи, те кто в теме по большей части, помнят и любят. Но так ли уж по многим городам и весям красавец Завадский сумел проехаться с выездными гастрольями?

Раневская спорит с ним безжалостно. Тот отвечает с не меньшим ожесточением. Две глыбы, две скалы. Громада – на громаду. За Завадским – непреерекаемый административный ресурс. Никто из труппы не хочет получить разнос, но зато все хотят получить роли. За Раневской – личное обаяние, недюжинный интеллект вкупе с непревзойденным чувством юмора... и смех. Обычный смех, который порой разит гораздо сильнее начальственных полномочий.

Типичный пример позиционной творческой войны. Раневская методично, раз от разу опаздывала на репетиции. Вряд ли кому-то еще это сходило бы с рук. В какой-то момент Завадскому такое положение дел надоело... да и надо же продемонстрировать, кто в доме хозяин! Велел труппе: *«Если хоть еще раз опоздает – то просто Раневскую не замечать!»* Бойкот, мол, объявим! Сильный ход... Ну, и что поделать – все покорно согласилось: с начальством не поспоришь, ему виднее!

Далее лучше прямой цитатой:

«Вбегает, запыхавшись, на репетицию Фаина Георгиевна:

– Здравствуйте!

Все молчат.

– Здравствуйте!

Никто не обращает внимания. Она в третий раз:

– Здравствуйте!

Опять та же реакция.

– Ах, нет никого?! Ну, тогда пойду поссу!»

Занавес! Не просто смех, но, предполагаю, надмирный хохот разрушил все условные бойкоты в мановение ока. И где теперь этот хваленный административный ресурс?

Думаю, что душка Завадский, который привык к тому, что все женщины (поголовно, вне зависимости от возраста) смотрят на него с плохо скрываемым обожанием, был крайне обескуражен таким к себе отношением. Вроде бы на первый взгляд безобидные предположения Раневской, намертво приклеившиеся к прославленному театральному деятелю: *«Завадский родился не в рубашке, а в енотовой шубе!»* или *«Завадскому дают награды не по заслугам, а по потребностям. У него нет только звания „Мать-героиня“!»*. Но ведь особо и не полютуешь: завистники (да и не только!) сразу же обвинят в отсутствии чувства юмора, а еще хуже просто в «недалекости».

Хотя со стороны Фаины Раневской такая позиция является не более, чем способом активной защиты. Она не держала зла. И неслучайно на смерть Завадского написала следующие строки: *«Я знала его всю жизнь. (...) И я грущу, тоскую о нем, мне жаль, что он ушел раньше меня. Я чувствую свою вину: ведь я так часто подшучивала над ним»*. Здесь ключевое слово «подшучивала», кто бы чего не говорил!

Хотя это вовсе не значит, что все шуточки Раневской несли некую беззубую, ванильно-ироничную доброту. Нет, порой это довольно желчные, обидные остроты. Мало кто желал бы получить их на свой счет... И опять что это? Старческая злость и традиционная зависть к более молодым? Недовольное брюзжание неудачницы, не получавшей достаточного количества ролей ни в кино, ни в театре? (Порой именно так пытаются интерпретировать многие словесные перлы Раневской ее нынешние недоброжелатели.)

Или все же это некий праведный гнев, попытка хоть что-то изменить в паскудной реальности, что ее окружала?

«В театре меня любили талантливые, бездарные ненавидели, шавки кусали и рвали на части», – напишет Раневская в воспоминаниях. И если внимательно прислушаться к самой

Актрисе, то увидим, насколько ее раздражал – именно в принципе, как поругание вечной идеи Высокого искусства – непрофессионализм околотеатральных приспособленцев. *«Сегодняшний театр – торговая точка. Контора спектаклей... Это не театр, а дачный сортир. Так тошно кончать свою жизнь в сортире!»*

И, если рассматривать совсем пристально, понимаешь, что сортирные определения возникают не из каких-то личных отношений, не из-за того, что что-то сложилось или нет, а именно по профессиональному признаку. Раневская любила все мерить по самому высшему, по гамбургскому счету. Никаких поблажек – ни для себя, ни для коллег.

«Ведь знаете, как будто бы Станиславский не родился. Они удивляются, зачем я каждый раз играю по-новому...»

Думаю, что и своим непредсказуемым чувством юмора Раневская также озадачивала коллег. Потому как не секрет: и в артистической, и в литературной среде существует целый пласт стареющих остроумцев обоего пола, расхаживающих по разного рода презентациям и творческим мероприятиям с заранее заготовленным набором дежурных шуточек и не раз испытанных на практике актерских баек. Первое впечатление человек производит довольно сносное... Ну а как относится к «остроумцу» дальше, когда при третьей встрече вынужден в третий раз выслушивать одну и ту же остроту, выраженную с одинаковой интонацией! Хочется просто ругаться матом... Так, впрочем, не раз это делала и сама Фаина Раневская!

«Я не признаю слова „играть“. Играть можно в карты, на скачках, в шахи. На сцене жить нужно». И все по максимуму! На сцене – проживать жизнь, а в жизни – чувствовать себя как на сцене, под пытливым взглядом заклятых приятелей и просто коллег по театральному цеху. Ведь любое ее действие завтра может быть разнесено злопыхателями и любопытствующими по всем артистическим центрам необъятной страны Советов. Не давать повода! Столько историй о Раневской сохранено и описано ее современниками, но вот не нашел ни одной, где бы она предстала в неприглядном свете, где бы ее обвиняли в подлости, в низменной мести... Да и вообще, в обычном злонамерении! Представляли в парадоксальном свете, в виде непредсказуемой, не от мира сего – это было, это можно найти при желании.

А при этом положительного зафиксировано пруд пруди. Фаина Георгиевна мастерски, с изящным совершенством бичует своих идейных оппонентов, мягко подтрунивает над приятелями, с кем была дружна, и резко, безапелляционно посылает в жопу всех тех, кто пытается бесцеремонно влезть в сложный процесс ее отношений с миром.

И жесткий отлуп, и даже пресловутая «жопа» (заметьте, не «задница» даже, и уж тем более не разные завуалированные эвфемизмы) стали своеобразной визитной карточкой Актрисы-философа. Ее шуточки на грани фола никогда не считались признаком вульгарности или грубости, а наоборот, признаком утонченного остроумия, игрой интеллекта, и – для посвященных! – определенной фигой в кармане, показываемой окружающей косной действительности.

«– Почему, Фаина Георгиевна, вы не ставите и свою подпись под этой пьесой? Вы же ее почти заново переписали.

– А меня это устраивает. Я играю роль ящ: участвую, но не вхожу».

Возможно, кто-то из записных ханжей может тут прокомментировать: «Фу, быдлантина! Какая пошлость!» И понимаешь, что «еще совсем чуть-чуть» – и пришлось бы, скрепя сердце, согласиться. Но Раневская имела удивительную особенность не перегибать палку, останавливаться на краю, доводить почти до открытой неприличности – и тут же отскакивать в сторону, предоставляя слушателям самим докручивать возможные смысловые нюансы... и катиться кубарем в яму неприличных ассоциаций.

Ну, например, почти безобидное: *«Самая ненавистная болезнь – геморрой: ни себе посмотреть, ни людям показать!»* Или, еще более невинное, но с не меньшей житейской

прозорливостью, тоже на медицинскую тему. *«Как считаете, медицина делает успехи?»* Ответ Раневской: *«А как же! В молодости у врача мне каждый раз приходилось раздеваться, а теперь – достаточно язык показать!»*

* * *

Думаю, что сложившийся имидж безбашенной хулиганки в некотором смысле охранял Раневскую в жизни. Она могла себе позволить публично сказать нечто, за что не просто обычного работягу, но и заслуженного культурного работника могли начать довольно ощутимо прессовать. Речь идет о довольно смелых для того времени шуточках на политические темы. Тем более что разговор не об обычном пересказывании расхожих анекдотов (а за это тоже можно было попасть под репрессивный аппарат недремлющей Государственной машины!), а именно о генерировании совершенно новых смыслов и образов, кои под определенным углом зрения выглядели весьма обидными для действующей власти.

Ну, например, как вам такой пассаж:

«– Фаина Георгиевна, вы видели памятник Марксу? – спросил кто-то у Раневской.

– Вы имеете в виду этот холодильник с бородой, что поставили напротив Большого театра? – уточнила Раневская».

Зная реалии тех лет, понимаешь, что рисковала не только сама Фаина Георгиевна, но и тот не оставшийся в истории аноним, кто задал подобный вопрос. Так что в его личных интересах (чтобы обеспечить себе будущее спокойствие) стояла настоятельная необходимость банально донести на Раневскую. Боялась ли она этого? Или что... настолько доверяла своим собеседникам?

Ну, раз эти ее фразочки дошли до наших дней (а в те времена широко расходились в качестве опасных баек), значит, как минимум, не все ее знакомые умели держать язык за зубами. И потому можно услышать крайне смелую, на грани фола историческую ретроспекцию Раневской: *«Знаете, когда я увидела этого лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности».* Тут уже явное нарушение негласного табу, саркастический подрыв самих устоев, незыблемых на тот момент (Советский Союз все-таки!), безоглядное высмеивание «нашего всего»!

И что же? Подвергалась ли она обструкции? Думаю, когда откроют все архивы спецслужб, мы узнаем и об этом. Но отдельные отголоски можно найти даже и в столь малом – несоизмеримо с талантом! – количестве ролей в театре и в кино...

Несомненно, находились и плюсы. Личина саркастического, даже где-то злого Арлекина позволяла ей выражать вслух такое, что мало кто мог себе позволить. «Мели, Емеля, – твоя неделя!» Возможно, ей даже негласно присваивалось звание эдакого придворного шута – человека не совсем в себе, клоунессы, которой дозволялось отпускать умилительно смелые шуточки на злобу дня.

Неслучайно так любят вспоминать широко известный (и уже изрядно поднадоевший всем!) эпизод с «дорогим Леонидом Ильичом». Генсек Брежнев, вручая Раневской в Кремле Орден Ленина (высшая награда в СССР!), стал подтрунивать над ней, цитируя сакраментальную фразу *«Муля, не нервируй меня!»* Даже не важно, что именно ответила ему Раневская, включившись в эту экспромт-игру. Главное тут – вопрос: генсек над всеми награждаемыми подобным образом подшучивал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.